

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ВОШТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ VI.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Изданіе А. Семена.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 24 дня, 1846 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

Въ прошломъ столѣтїи и даже въ началѣ нынѣшняго, народной поэзіей у насъ пренебрегали, потому что не понимали не только ее, но и вообще поэзіи; ложный вкусъ и лживыя теорїи убивали всякое истинное поэтическое чувство. Больше глубокимъ изученіемъ классическихъ писателей (преимущественно Гомера) и знакомствомъ съ поэзією среднихъ вѣковъ пробудилось въ Германїи сочувствїе съ народною литературою. Въ то же время, намъ соплеменные Славяне начали воскрешать свою замравшую народность, и съ восторгомъ принялись за народныя пѣсни — единственные достойныя глубокаго изученія

II

ихъ литературныя произведенія. Сначала, можетъ быть, подражаніе, а потомъ и дѣйствительное сочувствіе увлекло и насъ къ знакомству съ нашей народной литературой. Тогда-то съ удивленіемъ убѣдились, что нашъ безграмотный народъ, въ простотѣ своего сердца, несравнено глубже одаренъ поэтическимъ чувствомъ, нежели многіе нѣкогда прославленные у насъ поэты: безжизненные, ложныя сочиненія Сумарокова, Княжнина, Хераскова—забыты, а простыя пѣсни, которыя и въ ихъ время пѣлись народомъ, живутъ и теперь въ устахъ его и плѣняются безыскусственной, истинной и чистой поэзіею всякого, кто можетъ чувствовать высокое и прекрасное. Даже стихотворенія талантливыхъ поэтовъ, каковы Ломоносовъ или Державинъ, не могутъ выдержать сравненія съ народными пѣснями. Современные поэты, Пушкинъ, Лермонтовъ, изучали народную поэзію и подражали ей.

Народныя пѣсни слагались цѣлымъ народомъ, и въ продолженіе столѣтій, переходя изъ устъ одного поколѣнія къ другому, дошли до нашихъ временъ, какъ полное и вѣрное выраженіе жизни и быта Русскаго. Слѣдовательно, кто любить своихъ предковъ и свой народъ, тотъ не можетъ не чувствовать высокаго значенія народныхъ пѣсенъ; кто же не дорожитъ ими, тотъ или не знаетъ, или — еще хуже того — не любитъ своего народа.

Невольно взирав на эти картины, я
 вспоминал и те продолжительные
 периоды, когда этот самый человек
 вступил в мир, когда он вступил в мир,
 как и в те времена, когда он вступил
 и в эти русские (некоторые), что не
 был своим человеком и в том же
 году не может не чувствовать много
 как в жизни, но в жизни не было
 же не забыл, как и в том же
 году, как и в том же году — в том же
 году, как и в том же году.

1.

Слава Богу на небѣ,

Слава!

Государю нашему на сей землѣ

Слава!

Чтобы нашему Государю не старѣться,

Слава!

Его цвѣтному платью не изнашиваться,

Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,

Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,

Слава!

Чтобы правда была на Руси,

Слава!

Браше солнца свѣтла,

Слава!

Чтобы Царева золота казна ,
Слава !

Была вѣкъ полнымъ полна ,
Слава !

Чтобы большимъ-то рѣкамъ ,
Слава !

Слава неслась до моря ,
Слава !

Малымъ рѣчкамъ до мѣльницы ,
Слава !

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ ,
Слава !

Хлѣбу поемъ , хлѣбу честь воздаемъ ,
Слава !

Старымъ людямъ на потѣшеніе ,
Слава !

Добрымъ людямъ на услышаніе ,
Слава !

Эта пѣсня относится къ *подблюднымъ*. Подблюдныя пѣсни поются о святкахъ и сопровождаются гаданьемъ: каждый изъ гадающихъ кладетъ свой перстень на блюдо , покрытое ширинкою (платкомъ): затѣмъ поются пѣсни , предвѣщающія богатство , бѣдность , бракъ , смерть и пр. Чей перстень подъ какую пѣсню вынется , съ тѣмъ и случится то , что предсказываетъ пѣсня. Подблюдныя пѣсни сопровождаются припѣвкой *Слава*.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунъ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дорогамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желъзный тынь:
Среди двора три терема стоятъ,
Въ первомъ терему свѣтель мѣсяць,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтель мѣсяць — Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;

Красно солнце — Анна Кириловна ;
 Частыя звѣзды то дѣти ихъ ,
 Здравствуй хозяйнѣ съ хозяйшкой ,
 На долгіе вѣки , на многія лѣта.

Эта пѣсня относится къ *Колядскимъ*, Овѣ поются накануне Рождества, подъ окнами : за что хозяева даютъ *колядующимъ* деньги. *Коляда*, вѣроятно, какое нибудь древнее мифологическое лицо. Есть одна пѣсня, имѣющая предметомъ жертвоприношеніе Колядѣ. Въ своихъ повѣрьяхъ народъ обыкновенно смѣшиваетъ преданія языческія съ понятіями Христіанскими : достойно замѣчанія, что въ этой пѣснѣ Коляда названа *Святою*.

Касательно сравненія съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, не мѣшаетъ замѣтить, что свѣтила небесныя, въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ, считаются украшеніемъ харомовъ :

Чудо въ теремѣ показалось :

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце ;

На небѣ мѣсяць, въ теремѣ мѣсяць ;

На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды ;

На небѣ заря, въ теремѣ заря —

И вся красота поднебесная.

(Древн. Русск. Стихотв. стр. 8.).

3.

И я золото хороню , хороню ,
Чисто серебро хороню , хороню ,
Я у батюшки въ терему , въ терему ,
Я у матушки въ высокомъ , въ высокомъ .

Палъ , палъ перстень
Въ калину , въ малину ,
Въ черную смородину .

Гадай , гадай дѣвица ,
Въ коей рукѣ былица ,
Змѣиная крылица ?

И я рада бы гадала ,
И я рада бы отгадывала ,
Кабы знала , вѣдала ,
Черезъ поле идучи ,
Русу косу плетучи ,

Шелкомъ первиваючи ,
Златомъ персыпаючи.

Ахъ , вы кумушки , вы голубушки !
Вы скажите , не утайте ,
Мое золото отдайте ;
Меня мати хочетъ бити ,
По три утра , по четыре ,
По три прута золотые ,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали ,
Еще красныя гадали ,
Да не отгадали.

Палъ , палъ перстень
Въ калину , въ малину ,
Въ черную смородину .
Очутился перстень
Да у дворянина , да у молодого ,
На правой на ручкѣ ,
На лѣвомъ мизинцѣ .

Еще дѣвицы гадали ,
Еще красныя гадали ,
Да не отгадали .

Наше золото пропало,
 Чистымъ порохомъ запало,
 Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.

Эта пѣсня сопровождаетъ игру, называющуюся *хоронить золото*. Играющіе садятся по лавкамъ, и поютъ эту пѣсню; двое остаются на ногахъ: одинъ, съ перстнемъ въ рукѣ, хоронитъ золото, т. е. обходитъ всѣхъ сидящихъ, и каждому будто кладетъ въ руку перстень; другой долженъ зорко присматривать, кому именно тотъ отдастъ его. Если онъ отгадаетъ, то тотъ, у кого найдетъ перстень, долженъ вставать и въ свою очередь отгадывать, отгадывавшій же будетъ хоронить золото, а хоронившій садится.

4.

Разлилась , разлелъялась
По лугамъ вода вешняя ;
Унесло , улегло
Чадо милое , дочь отъ матери ;
Оставалася матушка
На крутомъ красномъ бережку.
Закричитъ она громкимъ голосомъ :
Воротись мое дитяtko ,
Воротись мое милое !
Позабыла трои ключи ,
Трои ключи золоты ,
Со кольцомъ со серебрянымъ ,
А внутри вызолоченымъ.
Какъ первый-то ключикъ
Отъ зеленаго садика ,

А другой—то ключикъ
 Отъ высокаго терема ,
 А третій—то ключикъ
 Отъ кована ларчика.

Государыня, матушка ,
 Позабыла я не трои ключи ,
 Не трои ключи золоты ;
 Позабыла я , матушка ,
 Волю батюшкину,
 Ньгу матушкину,
 Пріятство сестрицыно.

Яблонка моя , яблонка ,
Яблонка моя , зеленая ,
Не цвѣти теперешней весной ,
Не плоды сладкихъ яблочковъ !
Я скажу моему батюшкѣ ,
Я скажу моей матушкѣ ,
Что ты худо поливана ,
Что ты худо лелѣяна ,
Отъ того и яблочковъ нѣтъ ;
Что сама я стану поливати .
Сама корешокъ обчищати ,
Сама червячковъ обметати .
Авось , либо , батюшка и сжалется ,
Авось , либо , матушка и взмилуется .

Не отдадутъ меня нынѣшній годъ.

На чужу дальнюю сторону,

На чужу дальнюю, незнакомую,

Безъ горя горе мыкати,

Безъ слезъ горько плакати,

Безъ думы крѣпко думати,

Безъ скуки скучати,

Безъ грусти горевати.

6.

СВѢТЪ ты , моя волюшка ,
СВѢТЪ ты , моя нѣгушка ,
У родимой матушки !
Куда-то свою волюшку
Мнѣ пустить будетъ ?
Пущу я мою волюшку
Во чисто поле ;
Пущу я свою волюшку
Во темный лѣсъ :
Во темномъ лѣсѣ она заплутается.
Нѣтъ , пущу я мою волюшку
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтея , подруженьки ,
Поколь вы у батюшки ,
Поколь вы у матушки !
А я горькая , горемычная ,
Я уже открасовалася ;
Отшутила съ вами я
Всѣ шутки шутливыя.

Подымалася погодушка ,
Что со Московской сторонушки ;
Уносила лебедь бѣлую ,
Лебедь бѣлую , черноногую ,
Со желтыхъ водъ , со ключевыхъ ,
Съ тихихъ рѣчекъ , со глубокихъ ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ ;
Гнала , гнала лебедь бѣлую ,
Гнала , гнала черноногую ,
Гнала въ бурно море синее .
Сине море взволновалось ,
Лебедь бѣлая встосковалася .
Ой ты буря , непогодушка ,

Унесла меня съ моей сторонушки,
 Съ желтыхъ водъ со ключевыхъ,
 Съ тихихъ рѣчекъ со глубокіихъ,
 Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!

Ужь не жаль-то мнѣ желтыхъ водъ, ключевыхъ,
 Ужь не жаль-то мнѣ тихихъ рѣчекъ глубокіихъ,
 Ужь не жаль-то мнѣ бѣлыхъ лебедушекъ:

Жаль-то мнѣ своей сторонушки,
 Жаль-то мнѣ своихъ бѣлыхъ перушковъ,
 Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!

Какъ изъ славной Тверской улицы

Подымалися князья, бояре всѣ,

Съѣзжались ко Иванову двору:

Ворота дубовыя отворяются,

Входятъ гости на широкій дворъ;

Идутъ гости на ново крыльцо.

Въ терему-ли видятъ дѣвицу,

Въ высокомъ видятъ красную,

Еленушку душу Ивановну.

Ужь берутъ-ли ее за бѣлы руки,

Ужь уводятъ-ли отъ дѣвушекъ,

Ужь уводятъ-ли отъ красныхъ;

Какъ сажаютъ душу Еленушку,

Еленушку свѣтъ Ивановну,

Что за тотъ-ли за дубовой столѣ

Что за тѣ-ли скатерти бранныя !
 Послѣ увезли домой къ себѣ ,
 Къ свекору чужому батюшкѣ ,
 Къ свекрови, чужой матушкѣ ,
 Къ чужимъ сестрамъ , золовушкамъ ,
 Къ чужимъ братьямъ , деверьюшкамъ.
 Свекоръ батюшка осержается,
 Свекровь матушка разгнѣвается ,
 Умные деверья вкось глядятъ ,
 Глупыя золовушки съѣсть хотятъ.
 Душа Еленушка востоскуется,
 Свѣтъ Ивановна взгорюется ,
 Въ горячихъ слезахъ восплачется
 Ой вы гости незнакомые !
 Увезли меня отъ багюшки ,
 Увезли отъ родимаго ,
 Увезли меня изъ терема,
 Увезли изъ високаго,
 Разлучили со дѣвицами ,
 Со дѣвицами-ли красными,
 Со моими-ль подружками.
 Ужъ не жаль-то мнѣ и терема ,
 Ужъ не жаль-то мнѣ високаго ,
 Ужъ не жаль-то мнѣ красныхъ дѣвушекъ :
 Жаль-то мнѣ роднаго батюшку,

А жалчей того русой косы,
 Что моей-ли дѣвичьей красы.

Четыре послѣднія пѣсни свадебныя. Въ нихъ по большей части оплакивается дѣвичья свобода, которую невеста должна промѣнять на безотвѣтное повиновеніе своему будущему мужу. Слезно плачется она, разставаясь съ ласками родительскими, и въ глубокомъ отчаяніи прощается съ домашнимъ кровомъ и родной стороною: неумолимая свекровь и злая золовки примуть ее въ домъ недовѣрчиво, и подозрительно будутъ присматривать за каждымъ ея шагомъ, и чѣмъ она прекраснѣе, тѣмъ горестнѣе ея участь: золовки будутъ ей завидовать, свекровь станетъ зорче ее преслѣдовать. Такое враждебное отношеніе подало поводъ къ прекраснымъ народнымъ поэмамъ: между ними особенно замѣчательна одна Сербская, въ которой одна дѣвица является истинною мученицею отъ ненависти и злобы мужниной сестры. (Сербскія пѣсни, Вука Стефановича, изд. 2-е, часть 2, №. 5.).

8.

Изъ бору, бору,
Изъ зеленого,
Стучала, гремѣла.
Быстрая рѣчка.
Обростала быстра рѣчка
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизое перышко
Перебирала.
Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
Завтра, по утру,
Батюшка будеть,

Хоть будетъ, аль не будетъ,
 Тоски не убудетъ,
 Въ двое, въ трое у голубки
 Печали прибудетъ.

Такое продолженное уподобленіе голубкѣ, или, какъ въ пѣснѣ подь № 7, лебедю, ведетъ свое начало отъ олицетворенія птицъ, или отъ преданія о превращеніи людей въ птицъ. Уже въ древнѣйшемъ поэтическомъ памятникѣ Славянскомъ IX в., въ Судѣ Любуши, является говорящая ласточка, вѣроятно оборотень-дѣвушка. Есть старинное преданіе, будто дѣвушка сирота съ горя и печали превратилась въ кукушку, отъ чего произошло и растеніе кукушкины слезы: потому-то горюющія женщины сравниваются съ кукушкою. Какъ у насъ женщинъ не только уподобляютъ, но даже и называютъ лебедушкою (голубушкою также), такъ и въ древне-нѣмецкой литературѣ женщины сравниваются съ лебедемъ, и даже собственные имена ихъ слагаются съ *schwan*. При олицетвореніи принимается въ расчетъ грамматическій родъ: потому мужчины превращаются въ птицу мужескаго рода, въ сокола, соловья и т. п.

Эта пѣсня *хороводная*: поющіе, сцѣпившись рука съ рукой, сначала составляютъ кругъ, потомъ вытягиваются въ прямую линію и пляшутъ.

9.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море ,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце ;
Не сходить туману съ сине моря ,
Ужъ не выдти кручинъ изъ сердца вонъ .
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ ,
Курится огонечекъ малешенекъ ;
У огонечка разосланъ шелковой коверъ ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ .
Прижимаетъ платкомъ рану смертную ,
Унимаетъ молодецку кровь , горючую ;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь ,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру
землю ,

Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину :
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ !
Ты садись на меня , своего слугу ,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону ,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ !
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь ,

Опустились у молодова бѣлы руки ,
 Растворилась его рана смертельная ,
 Пролилась ручьемъ кровь горячая .
 Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему
 коню :

Ахъ ты , конь мой , конь , лошадь вѣрная !
 Ты товарищъ въ полѣ ратномъ ,
 Ты скажи моей молодой вдовѣ ,
 Что женился я на другой женѣ ,
 Что за ней я взялъ поле чистое ;
 Была свахою сабля острая ,
 Положила спать калена стрѣла .

Отрицательныя уподобленія (какъ въ этой пѣснѣ : *не звезда блеститъ* и пр.) составляютъ исключительную собственность нашей народной поэзіи. Смысль ихъ таковъ, что всякое уподобленіе, сближая два предмета, находитъ между ними и сходство, и въ то-же время ихъ отличаетъ: а именно, въ вышеприведенномъ уподобленіи, огонекъ уподобляется звѣздѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно объясняется, что это не звѣзда. Такія уподобленія придаютъ стиху игривость, но имѣютъ также въ своей сущности логическое основаніе: потому что сравненіе есть одинъ изъ источниковъ отрицанія. Тоже самая отрицательная форма сравненія и даже такое же оканчаніе пѣсни встрѣчаются у Грековъ нашего времени. Этимъ между прочимъ доказывается справедливость мнѣнія Фальмереера о происхожденіи новыхъ Грековъ отъ Славянъ, переселившихся въ Элладу, въ 6-мъ и 7-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х.

Ахъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
Ты хорошъ, пригожь, на горѣ стоишь,
На горѣ стоишь, на всей красотѣ,
Промежь двухъ рѣкъ, промежь быстрыхъ,
Промежь Волги рѣки, промежь Котрасли.
Съ луговой было со сторонушки,
Протекала тутъ Волга матушка,
Съ нагорной де со сторонушки
Пробѣгала тутъ рѣка Котрасля.
Что сверху-то было Волги матушки,
Что плыветъ, гребетъ легка лодочка:
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна дѣвица,
Есаулова родная сестрица.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,

Въ возрыданьи слово молвила :
 Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся ,
 Ужъ какъ-бы у меня , красной дѣвицы ,
 На правой рукѣ, на мизинчикѣ ,
 Распаялся мой золотъ перстень ,
 Выкатился дорогой камень ,
 Расплеталася моя коса руса ,
 Выплеталася лента алая ,
 Лента алая , Ярославская ;
 Атаману быть пойману ,
 Есаулу быть повѣшену ,
 Добрымъ молодцамъ головы срубятъ ,
 Красной дѣвицѣ въ темницѣ быть .

Въ этой пѣснѣ очень замѣчательнъ зловѣщій сонъ дѣвицы. Это повѣріе у Славянъ идетъ съ незапамятныхъ временъ : въ одной Чешской пѣснѣ XIII в., почти тѣми же словами оно разсказывается :

Я заснула : мнѣ приснилось ,
 Что съ руки-то у бѣдняжки
 Перстенечикъ спалъ завѣтный ,
 Выпалъ камень самоцвѣтный .
 Не нашла я камня снова ,
 Не дождалась я милова .

(См. Краледворскую Рукопись, перев. Н. В. Бергомъ, Моск. Сборн. за 1846-й годъ, стр. 276.). Замѣчательно, что Русскія пѣсни о разбойникахъ принадлежатъ приволжской сторонѣ. Въ нихъ будто есть остатокъ уваженія, которымъ пользовались Новгородскія вольницы.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова ,
Изъ за горъ , да горъ высокихъ ,
Не красно солнце выкатилося ,
Выкатился бѣль горячь камень ;
Выкатившись , самъ разсыпался ,
По мелкому зерну , да по маковому .
Во Изюмѣ славномъ городѣ ,
На степи на Саратовской ,
Разнемогался тутъ доброй молодець .
Онъ просилъ своихъ товарищей :
Ахъ , вы братцы мои , товарищи !
Не покиньте добра молодца при бѣдности ,
Что при бѣдности и при хворости ;
А хотя меня и покините ,
Какъ прїѣдете во Святую Русь ,
Что во матушку каменну Москву ,

Моему батюшкѣ низкой поклонъ ,
 Родной матушкѣ челобитьице ,
 Молодой женѣ своя воля ;
 Хоть вдовой сиди, хоть за мужъ поди ;
 Моимъ дѣтушкамъ благословеньице.

Отрицательное уподобленіе въ началѣ этой пѣсни можно назвать уподобленіемъ въ превосходной степени, потому что отрицаніе прикладывается не къ уподобленію (какъ въ пѣсни № 9.), а къ уподобляемому: Солнце такъ горѣло на востокѣ, что болѣе казалось не солнцемъ, а горючимъ камнемъ. Все это уподобленіе, не связываясь съ главнымъ содержаніемъ пѣсни, можетъ быть названо прелюдіею, какими начинаются многія древнія пѣсни, напр.

Высота-ли, высота поднебесная,
 Глубота, глубота—океанъ море ;
 Широко раздолье по всей землѣ,
 Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Такое безотчетное *возвышеніе и углубленіе* выражаютъ полетъ творческаго воодушевленія, и какъ увертюра передъ оперою, отвлекаютъ читателя или слушателя отъ прозаическаго быта и приуготовляютъ къ поэтическому разсказу, который тотчасъ начинается послѣ этой прелюдіи, не имѣя съ ней никакой связи по содержанію. Точно такое-же впечатлѣніе производитъ и прекрасное уподобленіе, которымъ начинается эта пѣсня.

Что пониже города было Саратова ,
 А повыше было города Царицына ,
 Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка.
 Какъ съ собой она вела круты, красные берега,
 Круты красны берега и зеленые луга ;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
 Что по той-ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывуть тутъ выплываютъ два сна-
 рядные стружка,
 Хорошо были стружечки изукрашены ,
 Они копиями, знамены, будто лѣсомъ поросли ;
 На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы , все Донскіе Козаки ,
 Да еще-же Гребенскіе, Запорожскіе ;
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные ,
 Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены ,
 Астрахански кушаки, полуселковые ,
 Пестрядинныя рубашки съ золотымъ голуномъ,
 Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки ,

И съ зачосами чулки, да всѣ гарусныя;
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
 Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
 А бранятъ они, клятвуютъ воеводу,
 Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами
 Заѣдаетъ воръ собака наше жалованье,
 Кормовое годовое, наше денежное;
 Да еще-же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять,
 Внизъ по Волгѣ погулять, съ дувиною воспѣвать

Кромѣ прекрасныхъ поэтическихъ картинъ и уподобленій, слогъ этой пѣсни замѣчательнъ по стариннымъ выраженіямъ, которыми вообще характеризуется народный языкъ. Такъ: *знамены* творит. падежъ церковнославянскій и древнерусскій; *зеленѣ сафьянѣ сапожки* напоминаетъ старинныя выраженія: башмачки сафьянъ синь, чюлочки шолкъ жолтъ и пр., Карамз. Ист. Гос. Рос. XI, примѣч. 65.

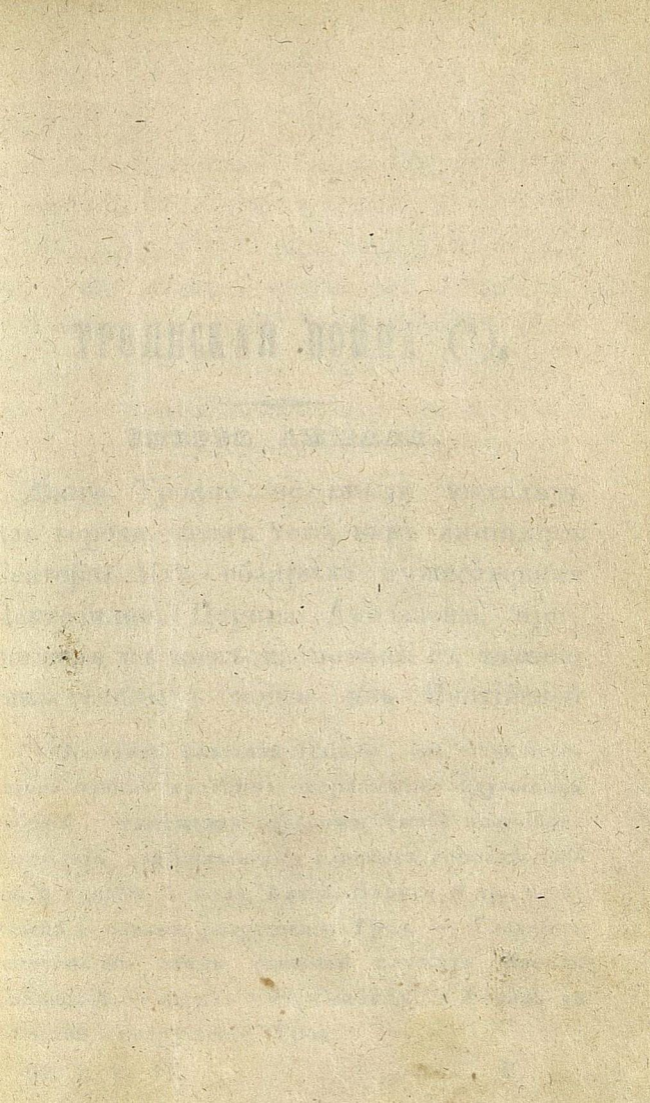
Для того, чтобы видѣть, во сколько народный языкъ своими грамматическими формами богаче теперешняго письменнаго, стоитъ обратить вниманіе напр. на слѣд. стихъ: Что по той-ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ—
 вмѣсто: по *быстрой* Камышенкѣ рѣкѣ. Здѣсь опредѣленіе отдѣлено отъ своего опредѣляемаго точно такъ, какъ въ другой пѣснѣ: Али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя, вмѣсто чарой зелена вина,—или какъ у Виргилія: *pateris libamus et augo*, вмѣсто: *pateris augois*. Такая грамматическая фигура называется Гендіадисъ (*ἐν δία δύοιν*).

За славной за рѣченькой Утвою ,
По герамъ было Утвинскимъ ,
По раздольцамъ по широкимъ ,
Распахана была пашенька яровая ;
Пе плугомъ была пашня пахана , не сохою ,
А вострыми Мурзавецкими копьями ;
Пе бороною была пашенка взборонована ,
А коновыми рѣзвыми ногами ;
Не рожью посѣяна была пашенка , не пшеницей ,
А посѣяна была пашенка яровая
Козачьими буйными головами ;
Ни поливой она всполивана ,
Ни осевнимъ , сильнымъ дождечкомъ ,

**Всполивана была пашенка
Козачьими горючьми слезами.**

Представленіе битвы въ образѣ пашни ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ. Еще въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ произведеніи XII в., почти въ томъ-же видѣ представлено это уподобленіе: «Черная земля подъ копытами, костью была посѣяна, кровью полита, горемъ взошла по русской землѣ.» Точно такъ же въ Малорусской думѣ о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію встрѣчается: «ужъ началъ онъ землю конскими копытами пахать, кровью Молдавскою поливать.» (Максимовича Малорос. пѣсни, 1827, стр. 34.).

КОНСТИТУЦИЯ
КОММУНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

1. Настоящая Конституция разработана в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и является основным документом, регулирующим деятельность предприятия.

2. Конституция определяет права и обязанности работников предприятия, а также порядок управления предприятием.

3. Конституция устанавливает порядок избрания и работы органов управления предприятия.

4. Конституция определяет порядок распределения прибыли предприятия.

5. Конституция устанавливает порядок проведения реорганизации и ликвидации предприятия.

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА (*).

СМЕРТЬ АХИЛЛА.

Долго Трояне не смѣли выходить изъ города послѣ того, какъ лишились Гектора. Ихъ ободрила мужественная Пентезилея, Царица Амазонокъ, пришедшая къ нимъ на помощь съ толпою воинственныхъ женъ изъ Понтійской

(*) Окончивъ рассказъ Иліады, мы ограничимся однимъ краткимъ очеркомъ послѣдующихъ событій, удерживая однакожь болѣе подробное изложеніе для сказанія о главныхъ герояхъ войны, о судьбѣ Ахилла, Аякса, Париса и др., и наконецъ о самомъ разрушеніи Трои. — Главнымъ источникомъ этихъ сказаній служитъ Квинтъ Смирнскій, — сверхъ того Софокль, и Энеида въ рассказѣ о разрушеніи Трои.

области въ Малой Азіи, съ береговъ
ръки Фермодонта. Много Грековъ пало
отъ руки ея и храбрыхъ амазонокъ, ея
спутницъ; многіе ряды воиновъ уже бѣ-
жали къ кораблямъ своимъ, когда Ца-
рица осмѣлилась вступить въ бой съ
самимъ богоподобнымъ Ахилломъ и па-
ла отъ его неотразимаго копья. Битва
стихла и Данаи собрались вокругъ ея
тѣла, дивясь мужеству дѣвы. И тогда,
глядя на величавыя божественныя чер-
ты, на прекрасное, подобное богинѣ Ди-
анѣ, тѣло Царицы, самъ Ахиллъ испол-
нился горькаго скорбнаго чувства и едва
не раскаялся въ своей побѣдѣ. Когда
же дерзкій Ферситъ сталъ смѣяться надъ
его чувствительностію, раздраженный
Ахиллъ такъ сильно ударилъ его по
щекамъ, что тотъ упалъ мертвымъ. Тѣла
Пентезилеи возвратили Троянамъ съ
согласія самихъ Атридовъ.

Пріамъ надѣялся еще на сильнаго
союзника, Мемнона, царя Еѳіопскаго

сына Авроры, который не замедлил придти. Тогда снова начались битвы и Мемнонь убилъ Антилоха, сына Несторова. Горестный отецъ послалъ сказать Ахиллу: «Антилохъ убить, отмсти за меня! Тотъ только можетъ назваться истиннымъ другомъ, кто не забываетъ умершаго друга.» Ахиллъ сразился съ Мемнономъ и убилъ его. Аврора повѣла Вѣтрамъ, сыновьямъ своимъ, унести съ поля битвы тѣло милаго ея сына, и послушные Вѣтры перенесли его на берега рѣки Эзопа, гдѣ Нимфы рѣки погребли его.

Несторъ терпѣніемъ преодолевалъ скорбь свою, но Ахиллъ не могъ заснуть отъ волненія и горѣлъ желаніемъ отмстить Троянамъ за смерть юноши. Съ разсвѣтомъ дня онъ устремился въ битву, и снова прогналъ Троянъ въ городъ. Теперь онъ готовился снять съ петель городскія ворота и ввести туда Грековъ. Но Аполлонъ, видя гибель Троянъ,

воспрянулъ подобно разъяренному звѣрю, взбросилъ на плеча колчанъ свой съ неизбѣжными стрѣлами и сошелъ поспѣшно на землю. Горы и долины дрожали подъ стопами его и стрѣлы громко звенѣли въ колчанъ. Ставъ позади Ахилла, Фебъ сказалъ ему: «оставь Троянъ, Пелидъ! не то погибнешь отъ руки безсмертнаго!» Ахиллъ узналъ голосъ Феба, но не утрашился и отвѣчалъ ему: «За чѣмъ ты вызываешь меня въ битву? ты вѣчный защитникъ Троянъ, ты уже разъ исхитилъ изъ рукъ моихъ Гектора! Но теперь отойди, а не то копье мое поразитъ и тебя, хотя ты и безсмертенъ.»

Сказавъ это, Ахиллъ снова устремился на Троянъ. Но разгнѣванный Аполлонъ, закрывшись темнымъ облакомъ, пустилъ оттуда стрѣлу, нацѣливъ ее въ пяту Ахилла. Смертельная боль проникла тотчасъ Пелида: подобно подрытой въ осно-

ваніи башнѣ, рухнулся онъ на землю и воскликнулъ раздирающимъ сердце голосомъ: « Кто пустилъ въ меня эту стрѣлу? О если бы этотъ тайный врагъ вступилъ въ открытый бой со мною! я бы исторгнулъ внутренность его, и низвелъ бы душу его въ адъ. Но трусы всегда лишь тайно наносятъ удары храбрымъ. Пусть онъ слышитъ это, хотя бы то былъ самъ Фебъ.»

Пелидъ самъ исторгъ стрѣлу изъ смертельной раны и съ гнѣвомъ отбросилъ ее; черная кровь полилась ручьемъ, а Фебъ, покрытый облакомъ, вознесся на вершину Олимпа. Тамъ занялъ онъ свое мѣсто посреди боговъ; но Гера, защитница Грековъ, стала жестоко упрекать его. « Какое недостойное дѣло сдѣлалъ ты, Аполлонъ,» говорила она ему: « развѣ не былъ ты съ нами на свадьбѣ Персеевой? развѣ не ѣлъ и не пилъ за столомъ его? Какими глазами будешь ты смотрѣть теперь на дочь Персею?» Апол-

лонъ потушилъ глаза въ землю и сълъ въ отдаленіи; но если одни боги были гнѣвны, за то другіе ему вторили.

Кровь Ахиллова бѣжала изъ раны; Трояне боялись приступить къ нему, хотя и уязвленному смертельно. Ахиллъ еще разъ воспрянулъ съ земли, еще разъ, потрясая копіемъ, устремился на враговъ и многихъ лишилъ жизни; но могучіе члены уже начинали слабѣть и онъ принужденъ былъ опереться на копье, а Трояне все еще бѣжали предъ нимъ. «Бѣгите», кричалъ онъ имъ, «однако бойтесь копья моего и послѣ моей смерти! Боги отмстятъ вамъ за нее!» Наконецъ силы Пелидовы истощились и онъ палъ на трупы убитыхъ; земля задрожала отъ его паденія; тяжелая броня издала глухой, протяжный звукъ.

Парисъ первый увидѣлъ падающаго героя. Громко и радостно звалъ онъ Троянъ, чтобы увлечь тѣло Ахилла и

они толпою кинулись на призывъ; но возлѣ умершаго стоялъ уже Аяксъ и всѣхъ страшилъ копіемъ своимъ. Отважившіеся сразиться съ нимъ пали мертвыми, и въ томъ числѣ Главкъ Ликіянинъ, самъ Эней былъ раненъ. Подлѣ Аякса сражался Одиссей; но Трояне сильно наступали и даже Парисъ отважился метнуть копьѣ въ Аякса: тотъ пустилъ ему камень въ голову, и сбиль съ него шлемъ: стрѣлы отъ потрясенія повысыпались изъ колчана. Оглушеннаго ударомъ Париса вывели изъ битвы и на Гекторовыхъ коняхъ отвезли въ Трою. Трояне тоже ушли въ городъ, а сынъ Теламоновъ спѣшилъ отнести къ кораблямъ тѣло Ахиллово, не снимая съ него оружія.

Достигнувъ кораблей, Данаи оплакивали потерю Пеллида: громче всѣхъ рыдалъ Аяксъ, потому что Ахиллъ былъ ему братъ, сынъ его дяди; горько плакалъ и сѣдовласый Фениксъ, вспоминая

тотъ день, когда Пелей положилъ къ нему на руки своего младенца и поручилъ ему его воспитаніе, и тотъ день, когда юноша отправился къ стѣнамъ Трои; теперь же и отецъ и воспитатель пережили Героя. Атриды также скорбѣли вмѣстѣ съ другими. Неумолчный стонъ восходилъ къ небесамъ и глухо отзывался въ рядахъ кораблей.

Престарѣлый Несторъ напомнилъ, что должно подумать о погребеніи, и друзья Ахилловы омыли тѣло и покрыли драгоценными покровами, даромъ Фетиды. Минерва излила на умершаго героя амброзію, чтобы предохранить его отъ тлѣнія. Лице Ахилла блистало красотою, на челѣ сохранилось то грозное величіе, которое въ немъ такъ поражало Троянъ. Громкій плачь Аргивянъ раздался на днѣ самаго Окееана. Фетида услышала ихъ вмѣстѣ съ другими дочерьми Переевыми: пред-

чувствіе сказало ей все , и она такъ горько застонала, что Геллеспонтъ всколебался. Поспѣшно устремилась она къ кораблямъ Аргивянъ. Увидя милого сына, она бросилась на тѣло , цѣловала русые кудри , и плакала столько, что смочила землю своими слезами. -- Данаи изъ почтенія къ богинѣ удалились. На зарѣ воздвигнуть былъ костеръ, съ обычными обрядами и должною пышностію возложили на него тѣло. Многіе изъ Греческихъ Героевъ обрѣзали въ честь ему свои волосы; тоже сдѣлала и прекрасная Бризеида , бывшая плѣнница Ахиллова. Наконецъ зажгли костеръ и самъ Зевесъ повелѣлъ Эолу послать Борей, чтобы раздуть пламя. Друзья собрали кости Пелида , положили въ урну , украшенную золотомъ и серебромъ, поставили въ ту же могилу , гдѣ была урна Патроклова и насыпали потомъ обоимъ высокій надгробный холмъ.

Кони Пелидовы, почувявъ смерть героя, своего властелина, не хотѣли болѣе оставаться съ людьми : они разорвали удила и понеслись было въ даль , друзья Пелидовы съ трудомъ могли остановить и усмирить ихъ.

ДЯКСЪ И ОДИССЕЙ.

Диомедъ предлагалъ немедленно напасть на Троянь , но Дяксъ возразилъ, что прежде должно почтить память Ахилла похоронными играми и что сама богиняTheta обѣщалась на нихъ присутствовать. Учреждены были игры , и мать Ахиллова сама пригласила героя принять въ нихъ участіе ; Одиссей былъ только зрителемъ, потому что въ послѣднемъ сраженіи былъ раненъ.

Игры кончились , и Theta сказала, что отдаетъ оружіе сына своего тому изъ Данаевъ , кто защитилъ его тѣло. Тутъ заспорили между собою Дяксъ и

Одиссей, оба призывали въ свидѣтели своихъ подвиговъ Идоменея, Нестора и Агамемнона. Несторъ, отведя обоихъ Царей въ сторону, говорилъ имъ: « тотъ, кому мы откажемъ въ оружіи Ахилла, вѣрно будетъ обвинять насъ въ пристрастіи къ его противнику и не пойдетъ въ битву. Послушайте совѣта опытнаго старца: изберемъ судьями нѣсколько челоуѣкъ изъ плѣнныхъ Троянъ, они будутъ судить безпристрастно. » Атридъ и Идоменей согласились и выбранные судьями Трояне заняли мѣста на судѣ, а соперники стали говорить предъ ними въ защиту правъ своихъ.

« Можешь ли ты, Одиссей, равняться со мною? » воскликнулъ гнѣвно Аяксъ, « ты передо мной, что песъ передъ львомъ. Ты забылъ, какъ ты уклонялся отъ похода! Да и лучше бъ было, если бы тебя оставили дома: не ты ли предложилъ намъ покинуть на островъ Лем-

носъ страждущаго Филоктета? не ты ли былъ виною смерти Паламедовой? Забывая всѣ услуги, оказанныя мною Грекамъ, ты забываешь и то, что разъ въ битвѣ, когда непріатели окружили тебя, я спасъ твою жизнь. И не я ли вынесъ на себѣ тѣло Ахиллово, не снимая съ него доспѣховъ? и развѣ ты могъ бы сдѣлать тоже? И такъ молчи, и не спорь со мною объ оружіи Пелидовомъ.»

На горячую выходку Аякса Одиссей отвѣчалъ съ насмѣшливой улыбкою: «на что терять бесполезно слова? ты укоряешь меня въ трусости, забывая то, что одно благоразуміе внушаетъ истинную храбрость. Разумъ править кораблемъ, усмиряетъ дикихъ звѣрей и покоряетъ ихъ челоуѣку. Въ совѣтѣ мужей и въ бѣдствіяхъ разумный мужъ полезнѣе безразсуднаго воина, который гордится одною тѣлесною силою. Діомедъ избралъ меня въ това-

рищи за мою осторожность, когда мы пошли въ станъ Реза. Греки были мнѣ обязаны тѣмъ, что сынъ Пелеевъ былъ подѣ Троею, и если нужно будетъ вызвать сюда еще кого-либо, то не тебѣ, Аяксъ, поручать дѣло. Боги даровали и мнѣ довольно силы, и ты неправо говоришь, что будто ты спасъ мнѣ жизнь: много разъ противустоялъ я врагамъ и поражалъ ихъ, а ты всегда думалъ только о себѣ самомъ.»

Долго еще спорили оба противника; наконецъ избранные судьями Трояне, убѣжденные доводами хитраго Одиссея, единогласно присудили отдать доспѣхи Ахилловы сыну Лаэртову.

Услышавъ этотъ приговоръ, Аяксъ весь затрепеталъ отъ гнѣва, кровь закипѣла въ его жилахъ и смѣшалась съ желчью. Сильная боль проникла въ самый мозгъ костей его и каждая жилка въ немъ трепетала; долго стоялъ онъ,

подобно истукану, потушивъ въ землю глаза свои: его отвели къ кораблямъ, въ его палатку.

Темная ночь спустилась на землю. Аяксъ сидѣлъ безмолвно, не вкушая пищи и не думая о снѣ. Нѣсколько разъ хватался онъ за мечъ свой и хотѣлъ то поразить Одиссея, то зажечь корабли, то обратить оружіе на всѣхъ Грековъ, и вѣрно рѣшился бы на что нибудь такое, если бы Аѳина не отняла у него разсудка, желая спасти жизнь любимца своего Одиссея. Аяксъ выбѣжалъ изъ дому и ослѣпленный богинею, бросился на стада Греческія, пасомыя по близости; уstraшенные пастухи скрылись въ кустахъ, растущихъ на берегу Ксанѳа. Поразивъ копьемъ своимъ двухъ огромныхъ быковъ, Теламонидъ воскликнулъ: «такъ да погибнуть всѣ несправедливые судьи, нечестивые Атриды, хищники чуждыхъ

добычь! Тебя же, коварный Одиссей, не спасутъ доспѣхи Ахилловы! къ чему доспѣхи, когда въ нихъ облеченъ трусь? Напрасно укрываешься ты тамъ, за угломъ!» Сказавъ это, Аяксъ ухватилъ большаго барана, и притащивъ къ дверямъ своего дома, привязалъ къ притолокъ, потомъ взялъ большой бичъ и началъ терзать имъ бѣдное животное. Въ эту минуту Минерва снова просвѣтила умъ его. Несчастный Аяксъ увидѣлъ себя съ бичемъ въ рукахъ, передъ разтерзаннымъ бараномъ, и понялъ тогда все. Постыдное орудіе выпало у него изъ рукъ, силы его оставили; чувствуя, что гнѣвъ боговъ посѣтилъ его, онъ упалъ на землю. Наконецъ грудь его облегчилась глубокимъ вздохомъ и онъ сказалъ: «за что преслѣдуютъ меня безсмертные? За что вѣнчали они славою Одиссея, а меня покрыли стыдомъ? Мои руки обагрены кровію невиннаго животнаго и я стою здѣсь,

предметъ насмѣшекъ для всего стана и для моихъ враговъ ».

Въ это время къ нему подошла бывшая его плѣнница, а потомъ супруга, Текмесса, дочь царя Фригійскаго. Замятивъ волненіе Аякса, она взяла на руки своего сына, пошла за нимъ и увидѣла его стоящаго въ мрачной печали. Онъ призывалъ къ себѣ смерть, иногда обращалъ рѣчь къ брату своему Тевкру, иногда къ сыну. Текмесса стала на колѣни передъ мужемъ, умоляла не покидать ее одну, среди непріятелей, напомнила ему о родителяхъ его, о миломъ сынѣ, которому тяжело будетъ возрастать сиротою. Теламонидъ въ сильномъ движеніи схватилъ своего сына и, прижавъ къ сердцу, сказалъ : « сынъ мой ! будь счастливѣе отца твоего ; но во всемъ прочемъ будь подобенъ ему , и тогда вѣрно ты не будешь безчестнымъ человѣкомъ . Братъ мой будетъ тебѣ надежнымъ покровите-

лемъ, а теперь я поручаю моимъ щитоносцамъ отнести тебя къ родителямъ моимъ въ Саламинъ. Ты будешь утѣшеніемъ ихъ старости.» Передавъ дитя на руки щитоносцамъ, Аяксъ поручилъ брату своему Текмессу; извлекъ мечъ подаренный ему Гекторомъ, и воткнулъ его рукоятью въ землю. Потомъ, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «отецъ Зевесъ! Молю тебя объ одной милости: пошли сюда въ минуту моей кончины брата моего Тевкера, чтобы враги мои не оставили тѣла моего въ добычу вранамъ и псамъ! Вы же, адскія фурии! видя меня, налагающаго на себя руку, отместите за меня врагамъ моимъ: да погибнуть они отъ рукъ своихъ кровныхъ! Я призываю васъ сюда: насыщайте свою злобу надъ всѣмъ воинствомъ! Но ты, свѣтозарный богъ солнца, останови коней твоихъ надъ Саламиною въ то время, когда золотая твоя

колесница будетъ катиться надъ нею: возвѣсти престарѣлому отцу моему и бѣдной матери о моей горькой участи! Блестай вѣчно, великолѣпное свѣтило! процвѣтайте родныя мои поля! процвѣтайте мои любезныя Аѳины, съ вашими свѣтлыми источниками, и вы также, поля Троянскія, такъ долго меня питавшія! Теперь я призываю тебя, о смерть! взгляни на меня окомъ состраданія.» Сказавъ это Теламонидъ бросился на мечь свой и палъ бездыханенъ на землю.

Узнавъ о смерти героя, цари и вожди Аргивскіе поспѣшили къ тому мѣсту, поверглись въ прахъ и посыпали пепломъ головы. Тевкръ, коему престарѣлый Теламонъ приказывалъ не возвращаться безъ брата въ Саламинъ, хотѣлъ тутъ же предать себя смерти, но окружавшіе его Греки вырвали у него мечь. Онъ повергся на тѣло Аяксово и плакалъ какъ плачетъ сынъ,

лишившійся отца и теряющій мать. Потомъ, преодолевъ себя, Тевкръ подошелъ къ Текмессъ, въ тяжкомъ оцпененіи сидѣвшей возлѣ умершаго съ младенцемъ на рукахъ, обѣщаль быть ея защитникомъ, а ребенку вторымъ отцемъ, и сказалъ, что они не пойдутъ въ Саламинъ, потому что онъ боится гнѣва отца своего.

Тогда онъ хотѣлъ приступить къ погребенію брата, но Атридъ Менелай сказалъ . « Тевкръ ! не дерзай и думать о погребеніи твоего брата : онъ хуже для насъ всякаго Троянца . Самоубійца не заслуживаетъ почестей погребенія . » Агамемнонъ также не позволялъ предать пламени тѣло Аяксово , и назваль Тевкра сыномъ рабыни . Напрасно Тевкръ напоминалъ имъ о заслугахъ брата , о томъ , какъ спасъ онъ все воинство , когда Трояне готовились сжечь корабли Греческіе и Гекторъ уже вступалъ на нихъ . « И почему называете вы меня сы-

номъ рабыни?» воскликнулъ Тевкръ: «мой отецъ Теламонъ, а мать моя дочь царя Лаомедона; мнѣ нечего стыдиться моего рода. вмѣстѣ съ падшимъ Героемъ, его женою и сыномъ, вы и меня гоните изъ стана. Подумайте только, доставятъ ли вамъ ваши дѣла славу отъ людей, и принесутъ ли благословеніе отъ боговъ?» Одиссей подошелъ къ нимъ во время ихъ спора, и ставъ посреди, сказалъ, обращаясь къ Агамемнону: «позволишь ли ты вѣрному другу истины сказать тебѣ правду, и не будешь ли за нее гнѣваться?»— «Говори,» отвѣчалъ Агамемнонъ, смотря на него съ удивленіемъ, «я почитаю тебя моимъ лучшимъ другомъ.» «И такъ выслушай мои слова», продолжалъ Одиссей: «не предавай безжалостно такого героя суду боговъ, и не оставляй тѣла его безъ погребенія. Не помрачай твоей славы несправедливою ненавистью! Превъдавъ поруганію тѣло такого героя, ты

унизилъ самаго себя.» Атриды, выслушавъ слова сына Лаэртова, стали безгласны отъ удивленія; наконецъ Агамемнонъ сказалъ: «какъ, Одиссей! и ты просишь за этаго человѣка? за того, кто былъ твоимъ врагомъ? ты испрашиваешь для него величайшую милость?» Прежде онъ былъ мнѣ врагъ, отвѣчалъ Одиссей; но здѣсь, при гробѣ, нѣтъ мѣста ненависти. Мы должны скорбѣть о потерѣ такого мужа, и я самъ готовъ помочь брату его въ совершеніи погребенія.

Тевкръ, видя подходящаго къ нимъ Одиссея, сначала отворотился было отъ него съ презрѣніемъ, но услышавъ эти слова, съ восторгомъ подалъ ему руку. «Благородный мужъ!» воскликнулъ онъ, «ты, бывшій врагъ моего брата, ты сталъ теперь единственнымъ его защитникомъ! Я не могу однакоже допустить тебя коснуться до его тѣла: его взволнованный, непримиренный духъ,

быть можетъ, оскорбится этимъ! Но подай помощь твою матери его сына.» И Тевкръ указаль Одиссею на Текмессу, сидѣвшую въ безмолвіи подлѣ тѣла. Одиссей, обратясь къ печальной вдовѣ, сказалъ: «супруга Аяксова! никто при мнѣ не посмѣеть удерживать тебя въ неволѣ: покуда Тевкръ и я будемъ живы, ты будешь также безопасна съ твоимъ сыномъ, какъ при жизни твоего супруга, храбраго защитника Ахеянъ.»

Атриды устыдились возражать Одиссею. Тѣло предали огню на кострѣ, и онъ былъ не меньше костра Ахиллова.

**ФИЛОКТЕТЪ И ПИРРА, СЫНА
АХИЛЛОВА.**

Прорицатель Калхасъ сказалъ Грекамъ, что имъ не взять Трои, пока здѣсь не будетъ юнаго Пирра, сына Ахиллова, и Филоктета, оставленнаго

ими на островъ Лемнось. Одиссей и Діомедъ вызвали изъ Скироса Пирра и первый отдалъ ему оружіе Пелидово. Трояне пришли въ ужасъ, когда юноша явился въ битву: чрезвычайное сходство его съ отцемъ поразило ихъ.

Но часъ гибели Трои еще не наступилъ. Калхасъ требовалъ, чтобы исполнили вторую часть предсказанія, и вызвали бы Филоктета. Діомедъ, Одиссей и Пирръ отплыли на островъ Лемнось, гдѣ Одиссей научилъ юношу явиться одному къ оставленному герою, сказать ему, кто онъ, притвориться, что онъ обиженъ Греками, и хитростію выманить стрѣлы. Неоптолемъ отвѣчалъ, что готовъ отнять ихъ силою, но не хитростію, и что не сдѣлаетъ того, о чемъ и слышать ему противно. Одиссей на это сказалъ ему, что и самъ онъ въ молодости также думалъ, но что въ послѣдствіи увидѣлъ, что люди управляются болѣе медовыми словами, чѣмъ

дѣлами.—Наконецъ Неоптолемъ согласился на все. Филоктеть съ восторгомъ услышалъ человѣческой голось и языкъ родины, и умолялъ Пирра взять его съ собою. Правда превозмогла въ сердцѣ юноши и онъ сказалъ: «не хочу тебя обманывать, Филоктеть! ты долженъ ѣхать съ нами въ станъ Греческій.» Огорченный сынъ Пеасовъ сталъ было умолять о состраданіи, но увидя вышедшаго изъ засады Одиссея, понялъ все коварство и призывалъ мщенье боговъ на вѣроломныхъ. Пирръ, гнушаясь хитростью, въ которую былъ завлеченъ, объявилъ, что хочетъ загладить вину свою, что онъ возметъ Филоктета съ собою и отвезетъ его во Фтію.

Тогда Одиссей извлекъ было свой мечъ на Пирра, но обоготворенный Геркулесь явился героямъ на облакъ и прекратилъ распрю, объявя своему другу, что сами боги повелѣваютъ ему

ѣхать подъ Трою, гдѣ онъ исцѣлится отъ своей раны, что отъ его руки падеть Парись, и что онъ со славою и съ богатою добычею возвратится къ отцу своему, Пеасу. Филоктеть, смягченный словами друга, повиновался волю боговъ, примирился съ Одисеемъ, и всѣ вмѣстѣ отправились къ стѣнамъ Трои, гдѣ Греки встрѣтили ихъ съ великою радостію. Полидарь, братъ Махаона, исцѣмилъ рану сына Пеасова, Агамемнонь и Менелай примирились съ нимъ.

На утро по возвращеніи Греческихъ героевъ, Трояне занялись погребеніемъ своихъ убіенныхъ братьевъ, какъ вдругъ увидѣли идущихъ на нихъ Данаевъ. Полидамась совѣтовалъ Троянамъ уйти въ городъ, потому что стѣны Трои, говорилъ онъ, воздвигнуты руками боговъ и враги не сокрушатъ ихъ; но Трояне не послушались его совѣта и

устремилась впередъ за Энеемъ. Въ битвѣ отличились между Греками Филоктетъ и Пирръ, между Троянами Эней и Эвримень, другъ его. Самъ Парисъ участвовалъ храбро въ битвѣ и, пробившись сквозь толпу къ Филоктету, пустилъ въ него стрѣлу; но она, зашипѣвъ, пронеслась мимо и вонзилась въ храбраго Клеодора, спутника Филоктетова. Другъ Геркулесовъ воскликнулъ: «теперь Парисъ! ты получишь достойное наказаніе!» Онъ натянулъ лукъ, тетива загудѣла, но спущенная стрѣла только что слегка оцарапала прекрасную руку Парисову. Во второй разъ Филоктетъ былъ счастливѣе и нанесъ Парису жестокую рану, что заставило его удалиться съ поля сраженія.

Трояне и Греки бились до наступленія ночи. Между тѣмъ врачи старались всѣми средствами утишить боль Парисовой раны, но все было безуспѣшно.

Тогда сынъ Пріамовъ припомнилъ предвѣщаніе Оракула, что въ тяжелой болѣзни онъ найдетъ вѣрное средство къ изцѣленію у супруги своей Эноны. Страдая отъ жестокой боли, онъ велѣлъ вести себя въ ея жилище, на гору Иду. Служительницы Эноны съ удивленіемъ смотрѣли на неожиданнаго посѣтителя. Парисъ бросился къ ногамъ покинутой супруги, и просилъ у нея прощенія и помощи. «Иди къ Еленѣ», отвѣчала огорченная Энона, «можетъ быть, она изцѣлитъ тебя; отъ меня же не ожидай помощи.» Парисъ вышелъ изъ дому ея въ отчаяніи и не сошедъ еще съ горы, испустилъ духъ.

Одинъ изъ пастуховъ увѣдомилъ о смерти Париса Гекубу и Елену, и обѣ горько плакали; Пріама не было тогда во дворцѣ: онъ ушелъ плакать на гробъ любезнаго своего Гектора. Пастухи горы Иды, прежніе друзья Парисовы, по-

спѣшно устроили для него костеръ и положили на него тѣло.

Но Энона, лежавшая на одрѣ своемъ, въ уединенномъ своемъ жилищѣ, почувствовала вдругъ раскаяніе, и слезы полились изъ глазъ ея. Такъ весною снѣгъ, скатывающійся съ вершины горъ превращается въ воду. Быстро вскочивъ съ одра, бросилась Энона въ дверь и увидѣла въ долинѣ пылающій уже костеръ; невыразимая скорбь овладѣла сердцемъ бѣдной жены, и прежде, нежели успѣли остановить ее, она бросилась въ пламя, на тѣло своего супруга.

ДЕРЕВЯННЫЙ КОТЪ.

Долго еще продолжались битвы у Троянъ съ Греками. Послѣдніе рѣшились наконецъ сдѣлать приступъ ко всемъ воротамъ Трои. Главными защитниками ея были тогда Эней, сынъ

богини Афродиты и Эвримахъ , сынъ Антеноровъ. Къ Скейскимъ воротамъ пошелъ Діомедъ : ихъ защищали Полить и Деифобъ ; Неоптолемъ съ Мирмидонцами къ Идейскимъ : тамъ стояли Геленъ и Агеноръ ; Одиссей пошелъ къ тѣмъ , которые вели на равнину , простиравшуюся до самыхъ кораблей Греческихъ. Противъ него стоялъ Эней. Градъ камней и стрѣль сыпался на Данаевъ ; самъ Аполлонъ направлялъ камни, бросаемаыя Энеемъ. Одиссей велѣлъ воинамъ своимъ стать ближе другъ къ другу и идти, поднявъ щиты надъ головами ; Эней, подхватя могучими руками огромный камень , ринулъ его со стѣнъ, и множество Данаевъ было подавлено его тяжестію. Не смотря на храбрость Пирра, Филоктета и Локрійца Аякса, къ вечеру Греки были отражены отъ стѣнъ города.

Чрезъ нѣсколько дней Калхасъ созвалъ на совѣтъ вождей Греческихъ и

говоришь имъ : «Оставьте бесполезныя битвы : инымъ средствомъ достигнемъ мы цѣли ; сами боги внушили мнѣ эту мысль. Вчера я видѣлъ ястреба , гнавшася за голубкою ; она скрылась отъ него въ расщелину одной скалы ; долго кружился онъ надъ расщелиной ; но голубка, видя его, не вылетала. Наконецъ ястребъ самъ скрылся въ ближнихъ кустахъ ; тогда неосторожная выпорхнула и была имъ поймана ! Вотъ образецъ вамъ ! не храбростію, но хитростію разрушите вы стѣны Трои. И такъ придумайте какое нибудь средство къ одоленію враговъ нашихъ. »

Но Герои неспособны были къ хитростямъ. Тогда Одиссей выступилъ на средину и сказалъ : я предлагаю устроить деревяннаго коня , такой величины, чтобы во внутренности его могли помѣститься нѣсколько человекъ , и оставить его здѣсь ; всѣмъ Данаямъ отплыть на время на островъ Тенедосъ,

всѣ наши жилища предать огню. Одинъ изъ Грековъ долженъ остаться подлѣ коня, и, когда Трояне выдутъ изъ города, этотъ Грекъ долженъ увѣрить ихъ, что это второй Палладіумъ, залогъ покровительства богини Минервы и уговорить нашихъ враговъ взять его въ Трою. Когда же Трояне дадутся въ обманъ, то пойти съ ними въ городъ, а ночью, выпустивъ заключенныхъ въ конѣ воиновъ, на стѣнѣ водрузить горящій факель, и тѣмъ подать знакъ къ возвращенію Грекамъ, находящимся на Тенедосѣ; тогда они поспѣшатъ на помощь товарищамъ и довершатъ разореніе Трои.

Всѣ дивились хитрому Одиссееву уму, особенно же Калхасъ; онъ убѣждалъ Грековъ приступить какъ можно скорѣе къ устройству коня, увѣряя, что видѣлъ полетъ птицъ, предвѣщавшихъ успѣхъ предпріятія. Сынъ Ахилла не выдержалъ бодѣе, всталъ и началъ говорить:

«Калхасъ! храбрые не знаютъ хитрости и сражаются на открытомъ полѣ. Если бы Троянъ и вдвое болѣе было, то и тогда не должно употреблять другихъ средствъ, кромѣ оружія.»

Одиссей хвалилъ мужество Неоптолема, но прибавилъ, что стѣнъ Трои не могъ разрушить и самъ богоподобный Ахиллъ, что храбрость не всегда побѣждаетъ и что хитростію скорѣе достигнешь цѣли. Всѣ Греки согласились на предложеніе Одиссея; одинъ Филоктеть, мужественный другъ Геркулесовъ, былъ на сторонѣ Пирра. Между тѣмъ раздавались перекаты грома и молнія разсѣкала воздухъ; Калхасъ говорилъ, что это означаетъ соизволеніе Юпитера и оба Героя, ненавистники хитрости, противъ воли должны были согласиться съ другими.

Минерва явилась во снѣ Энею и поручила ему устройство коня; узнавъ

богиню онъ вскочилъ въ восторгъ и художническая мысль пробудилась въ немъ. На утро рассказалъ онъ Грекамъ о повелѣнїи богини, и всѣ съ жаромъ принялись помогать ему въ работѣ. Эней устроилъ сперва ноги коня, потомъ бока и спину, послѣ грудь, шею и наконецъ голову. Не смотря на огромность свою, конь былъ такъ изящно сдѣланъ, что казалось, готовъ былъ идти настисъ вмѣстѣ съ другими. Съ помощію Паллады работа кончилась въ три дня, и художникъ въ благодарней молитвѣ поручилъ богинѣ себя и свое твореніе.

Трояне оставались въ городѣ, а на Олимпѣ все еще продолжались распри. Боги сошли на берегъ Ксанѳа, желая сразиться между собою, но для смертныхъ остались невидимы. Боги морской пучины присоединились къ Олимпійцамъ; Нереиды, по родству съ Ахилломъ, стали на сторонѣ покровителей Грековъ, другіе морскіе божества были

за Троянъ. Воздымая морскія волны они хотѣли затопить корабли Греческіе и гибельнаго для Трои коня, и непременно совершили бы то, если бы такъ угодно было судьбѣ. Между богами началась битва; по данному знаку Марсъ вышелъ противъ Аѣины и золотыя брони ихъ зазвенѣли. Море еще съ большею яростию стало выливаться на берегъ, а земля стонала подъ стопами безсмертныхъ; звучный крикъ ихъ проникъ до глубины Тартара и низверженные туда Титаны вострепетали. Зевеса не было въ это время на Олимпѣ: дѣла міроуправленія отозвали его въ отдаленныя страны и онъ оттуда спустился на дно Океана, но битва боговъ не скрылась отъ его всепроникающаго взора; поспѣшно сѣлъ онъ въ колесницу, которою правила Ириса и на коняхъ своихъ, быстротою подобныхъ вѣтрамъ, вознесся на вершину Олимпа. Молнія, брошенная Зевесомъ въ средину сражающихся,

возвѣстила имъ волю его. Фемида, богиня справедливости, убѣдила ихъ къ повиновенію, и бессмертные вознеслись на вершину Олимпа, а морскіе боги спустились на дно моря.

Цари и войны Греческіе собрались между тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дивный конь. Тогда Одиссей началъ говорить: «Теперь да явится отважнѣйшій изъ Грековъ, тотъ, кто рѣшится остаться подлѣ коня и предаться на волю судьбы, въ руки Троянамъ! Вызывайте и другихъ, кто рѣшится со мною скрыться во внутренности этой громады. Здѣсь потребно болѣе мужества, чѣмъ въ обыкновенной битвѣ! Остальные же войны да удалятся, ни мало не медля, въ Тенедось.»

Герои молчали. Тогда изъ толпы Данаевъ выступилъ одинъ Грекъ, по имени Синонъ и сказалъ, что онъ останется при конѣ, и что намѣреніе его твердо,

хотя онъ знаетъ, что ежели Трояне не повѣрятъ ложному разсказу, то мучительная смерть ожидаетъ его. Громкія восклицанія раздались въ честь Синона; вожди съ удивленіемъ спрашивали другъ друга: «кто таковъ этотъ Грекъ? мы даже не знаемъ его имени; доселѣ ни одинъ славный подвигъ не сдѣлалъ его извѣстнымъ; какой нибудь геній зла устремляетъ его на подвигъ, гибельный Троянамъ, а можетъ быть и намъ.» Тогда Несторъ началъ говорить Грекамъ: «мужайтесь, дѣти! цѣль близка! я готовъ раздѣлить подвигъ съ Одиссеемъ и чувствую въ себѣ ту отважность юности, которая одушевляла меня, когда я хотѣлъ плыть съ Язономъ въ Колхиду, но Царь Пеліасъ удержалъ меня. Кто еще вызовется?»

Неоптолемъ съ трудомъ могъ убѣдить старца вести Грековъ вмѣстѣ съ Агамемнономъ въ Тенедось, а подвигъ пре-

доставить ему. Потомъ, вызвались на то же, Менелай, Диомедъ, Соенель, Филоктеть, Аяксъ, Идоменей, Меріонъ, врачъ Подалиръ, Эвримахъ, Антимахъ, Антеноръ, послѣдній былъ Эней. Когда герои вошли во внутренность коня, Эней задвинулъ изнутри входъ засовомъ и всѣ въ безмолвіи стали ожидать успѣха или смерти.

Данаи тотчасъ спустили на море корабли и зажгли станъ свой. Подъ начальствомъ Нестора и Агамемнона, удалились они на островъ Тенедось и дожидались тамъ ночи и условнаго знака. Клубящійся въ воздухъ дымъ возбуждалъ любопытство Троянъ; они вошли на стѣны и съ великою радостію увидѣли плывущіе вдаль Греческіе корабли и пылающія строенія стана. Граждане поспѣшили на берегъ, но въ полномъ вооруженіи, опасаясь возвращенія Грековъ. Еще издали увидѣвъ огромнаго, деревяннаго коня, они оста-

новились въ изумленіи , потомъ стали разсуждать между собою : что дѣлать съ этимъ конемъ? Одни говорили, что надобно взять его въ городъ, какъ памятникъ бѣгства ихъ непріятелей; другіе,—что вражескіе дары опасны и что эту громаду должно или ввергнуть въ море, или сжечь. Въ это время вышелъ изъ города жрецъ Аполлонова храма, по имени Лаокоонъ, и поспѣшно приблизился къ толпѣ. «Что вы хотите дѣлать?» воскликнулъ жрецъ, «и вы думаете, что Греки въ самомъ дѣлѣ удалились? Или вы не знаете коварства Одиссеева? Не довѣряйте дару враговъ : здѣсь кроется какая-нибудь хитрость ! Этотъ конь навлечетъ на васъ гибель!» Тогда Лаокоонъ выхватилъ коня изъ рукъ одного, стоящаго по близости воина, и бросилъ его въ дивную громаду: конь вонзилось въ бокъ и внутренняя пустота издала звукъ; но ослѣпленные Трояне ничего не замѣтили.

Нѣсколько пастуховъ , побуждаемые любопытствомъ , подошли къ коню и , увидѣвъ скрывавшагося подъ нимъ Синона , вытащили его и представили царю Пріаму. Коварный Грекъ , по наставленію Одиссея , то подымалъ руки свои къ небесамъ , то простиралъ ихъ съ умоляющимъ видомъ къ Троянамъ , и восклицалъ жалобно : « горе мнѣ ! гдѣ я буду искать спасенія ? Осужденный на смерть Греками , могу ли ожидать отъ враговъ ихъ помилованія ? » Жалобы его тронули всѣхъ. Трояне съ участіемъ подошли къ нему и спрашивали , кто онъ таковъ и откуда ? Синонъ отвѣчалъ : « Не хочу скрывать отъ васъ , что я Грекъ ; Синонъ хотя и несчастенъ , но ложь ему неизвѣстна. Паламедъ , котораго погубилъ коварный Одиссей , былъ мнѣ ближній родственникъ ; по смерти этого героя , мои неосторожныя рѣчи навлекли на меня ненависть убійцы. Греки , рѣшившись

возвратиться въ отечество, послали Эврипила спросить Аполлона о томъ, какою жертвою могутъ они получить благоприятный вѣтеръ для плаванія. Отвѣтъ былъ слѣдующій: « Греки! при началѣ войны вы принесли въ жертву благородную дѣвицу, а теперь должны пролить кровь соотечественника.» Всѣ ужаснулись, услышавъ повелѣніе Аполлона; Одиссей заклиналъ подкупленнаго имъ Калхаса, указать угодную богамъ жертву, и жрецъ произнесъ мое имя. Поспѣшно изготовили все для жертвоприношенія и хотѣли вести меня на закланіе, но я вырвался изъ рукъ жрецовъ и скрылся въ тростникъ, растущемъ на ближнемъ болотѣ. По отъѣздѣ Грековъ, искалъ себѣ покровы подъ этимъ священнымъ конемъ. Теперь, Трояне, отъ васъ зависитъ даровать мнѣ жизнь или предать смерти.»

Пріамъ обѣщаль Синону жизнь и мѣсто въ городѣ, если онъ скажетъ

ему, для чего Греки устроили такого коня и почему называютъ его священнымъ? Хитрый Грекъ, поднявъ руки къ небу, вскричалъ: «боги, которымъ я былъ обреченъ въ жертву, страшный алтарь, и ты, грозный мечъ, будьте мнѣ свидѣтелями, что я разрываю узы, связывавшіе меня съ моимъ отечествомъ; и не вѣнните мнѣ въ преступленіе, что я открою тайну Грековъ! Вы знаете, Трояне, что богиня Паллада была ихъ покровительницею; но, когда они похитили изъ вашего храма ея Палладіумъ, (ибо это сдѣлали Греки), тогда богиня разгнѣвалась на нихъ и счастье ихъ оставило. Калхасъ объявилъ, что Греки должны ѣхать обратно въ отечество, привести назадъ вашу Палладіумъ, и тогда могутъ надѣяться на милосердіе богини. Сверхъ того, онъ повелѣлъ устроить въ честь ея огромнаго коня, такой величины, чтобы вы не могли ввести его въ свой городъ;

владѣтелямъ этого коня Аѳина обѣщала свою помощь. Оставивъ его здѣсь, Греки надѣялись, что вы наложите на него святотатственную руку, и располагались, принявъ въ Аргосѣ повелѣніе богини, возвратиться опять сюда и разрушить вашъ городъ.»

Это сплетеніе лжи казалось такъ вѣроятнымъ, что всѣ повѣрили, и сама Аѳина умножала ослѣпленіе Троянъ, заботясь о жизни своихъ любимцевъ. Лаокоонъ, занимая мѣсто жреца Нептунова, долженъ былъ въ этотъ день совершить на морскомъ берегу жертвоприношеніе. Жертва была готова; вдругъ Трояне съ ужасомъ увидѣли двухъ огромныхъ змѣй, плывущихъ прямо къ ихъ берегу отъ Тенедоса. Изгибистыя шеи и страшныя головы чудовищъ поднимались изъ волнъ; чешуйчатые хребты скрывались подъ водою; бѣлая пѣна означала ихъ слѣдъ. Чудовища выходятъ на берегъ и, быстро

извиваясь и вращая кругомъ пламенные очи, устремляются къ жертвеннику Нептунову. Трояне бѣгутъ искать спасенія близъ священнаго коня. Змѣи со свистомъ бросаются на двухъ дѣтей Лаокооновыхъ, стоящихъ подлѣ отца, и въ одно мгновеніе вонзаютъ свои ядовитыя жала въ ихъ нѣжные члены. Лаокоонъ, схвативъ жертвенный ножъ, бросается на помощь къ сыновьямъ; но змѣи, сдѣлавъ крутой изворотъ, обвиваютъ двойными узами его самага, поднимая вверхъ съ страшнымъ шипѣніемъ свои головы, и священная повязка его была осквернена ихъ ядомъ. Напрасно старается онъ разорвать сжимающія его кольца; между тѣмъ, слегка пораненная жертва съ жалобнымъ блеяніемъ убѣгаетъ отъ алтаря, окропляя дорогу своею кровію и стараясь стряхнуть съ шеи сѣкиру, не глубоко въ нее вонзенную. Лаокоонъ и дѣти его испускаютъ духъ въ ядовитыхъ кольцахъ чудо-

вищъ, которыя, медленно перегибаясь, уползають въ храмъ богини и скрываются за щитомъ, опущеннымъ у ногъ ея.

Трояне думали, что смерть Лаокоона была наказаніемъ за его невѣріе, и бросились въ городъ, чтобы проломать часть стѣны для входа коня; другіе подкатили подъ ноги его колеса и обвязали шею канатами; юноши и дѣвицы, ухватясь за нихъ, влекли его, воспѣвая торжественные гимны. Гибельная громада, достигнувъ пролома, четыре раза останавливалась на ходу и четыре раза слышался звонъ оружія; но Трояне ничего не замѣчали. Кассандра бѣгала по улицамъ и предостерегала гражданъ, но ей отвѣчали насмѣшками.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

Трояне пили и пировали до половины ночи; потомъ, утомленные виномъ

и весельемъ, крѣпко заснули. Тогда Синонь, взошедши на стѣну, поднялъ вверхъ горящій факель, чтобы Греки поспѣшили къ Троѣ, и, загасивъ огонь, подалъ условный знакъ заключеннымъ во внутренности коня героямъ. Одиссей вышелъ первый, а за нимъ и другіе. Зажевши факелы и махая мечами, устремились Герои по городу. Страшно было пробужденіе для Троянъ. Почти въ то же время вошли въ проломъ Греки, приплывшіе изъ Тенедоса. Улицы наполнились убитыми и ранеными; со стонами умирающихъ смѣшивались вопль женъ, плачь дѣтей и завыванія псовъ.

Опомнившись отъ перваго испуга, Трояне защищались отчаянно. Бросали съ кровель домовъ своихъ на Грековъ камни и горящія головни; вооружались, чѣмъ попало; многіе достигли крѣпости, гдѣ нашли доспѣхи и оружіе и защищались до послѣдней край-

ности. Пожаръ всюду разливалъ ужасный свѣтъ. Діомедъ, поражая бѣгущихъ, встрѣтилъ Иліонея, старца въ преклонныхъ лѣтахъ, и бросился на него съ мечемъ. Старецъ, обнявъ колѣна побѣдителя, умолялъ о пощадѣ, напоминая ему, что и его постигнетъ старость; Діомедъ остановился было на минуту, но потомъ поразилъ Иліонея. Локріецъ Аяксъ и Идоменей также безжалостно поражали Троянъ. Неоптолемъ поразилъ Агенора, трехъ сыновей Пріамовыхъ и самого царя, молящагося предъ жертвенникомъ Юпитера. «Умертви меня, сынъ Ахилловъ,» сказалъ старецъ, «я пережилъ всѣхъ дѣтей моихъ и свѣтъ дневной тяжелъ для меня.» Старецъ, отвѣчалъ Пирръ, ты просишь меня о томъ, что я и самъ хочу сдѣлать!—и голова Пріамова покатила по улицѣ, а трупъ его легъ вмѣстѣ съ другими трупами.

Храбрый Эней долго сражался съ

Греками, но видя, наконецъ, общую гибель, вышелъ изъ города, взявъ на плеча отца своего Анхиза, а сына Асканія за руку. Афродита отклоняла отъ нихъ и стрѣлы и копьа.

Менелай нашель Елену въ домъ Деифоба, который приняль ее къ себѣ по смерти Париса. Деифобъ, еще не протрезвившійся отъ вечерней попойки, обратился въ бѣгство и былъ убитъ. Елена хотѣла скрыться отъ раздраженнаго супруга, который готовился поразить ее; но красота ея пробудила въ немъ прежнюю любовь и онъ тихо опустиль мечъ свой. Увидя вошедшаго брата своего, онъ снова было взялся за мечъ, стыдясь своей слабости, но Агамемнонь сказалъ ему: «пощади жену твою; одинъ Парисъ былъ виновенъ,» — и супругъ Елены съ тайною радостію послѣдовалъ его совѣту.

Сына Гектора сбросили съ башни; во всей Троѣ одинъ только домъ былъ поща-

женъ отъ убійства и грабежа: то было домъ старца Антенора, гдѣ Менелай и Одиссей, въ бытность ихъ въ Трою, нашли гостепріимство. Боги закрылись густымъ облакомъ и оилакивали паденіе Трои. Только Юнона иThetaида радовались; но Паллада не могла удержаться отъ слезъ, видя какъ Локріецъ Дяксъ извлекъ за волосы изъ ея храма благочестивую Кассандру, искавшую тамъ убѣжища. Лицо богини покрылось краскою стыда и гнѣва, когда она увидѣла такое неуваженіе къ ея святилищу; она не хотѣла помочь дочери Пріамовой, но поклялась отмстить нечестивому.

Долго еще продолжались убійства и пожаръ, возвѣстившій ближнимъ и дальнимъ островамъ о гибели Трои.

